

«Учитель академии! Ты хотел бы, чтобы твои ученики создавали художественное и бессмертное? Тогда учи их не только технике, но и духовному опыту, творческому созерцанию, ответственному вынашиванию художественного предмета, закону совершенства. И они будут творить великое»¹. В заключение отметим, что вопрос о художественности – это вопрос о возрождении целостного духовного акта (единения мысли и веры, воображения и воли, совести и любящего сердца); это вопрос, в конечном счете, о восстановлении истинного ранга жизни – духовное направляет душу и тело, культура ведет за собой цивилизацию (технику жизни), ценности направляют мышление и волю, религия освящает и наделяет святостью то, без чего инстинкт отрывается от идеала, и в человеке разнуздывается животность; истина, добро и красота не чужды друг другу, а являются *различными выражениями совершенства* на экранах мышления, воления и созерцания.

А.А. Лагунов

КОГНИТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном словоупотреблении достаточно характерным является смысловое отождествление понятий «воспитание» и «образование», выражаемое в их почти слитном написании, например, в словосочетании «воспитательно-образовательный процесс». Однако в целях аналитической ясности социально-философского текста, посвященного рассмотрению проблем, связанных с этим процессом, представляется необходимым семантическое различение понятий, придающих последнему специфическую качественность, т. е. понятий воспитания и образования. Без обращения к словарям здесь не обойтись.

---

¹ *Ильин И. А. Основы искусства... С. 181.*

Во все еще достаточно авторитетном «Советском энциклопедическом словаре» под воспитанием понимается «процесс систематического и целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях подготовки ее к производственной, общественной и культурной деятельности», и далее утверждается, что оно: «Тесно связано с образованием и обучением»¹. Пока смысловая ясность наличествует: *воспитание есть процессуальное воздействие на личность с целью ее подготовки к самостоятельной жизнедеятельности, которому способствуют (отличаясь, видимо, при этом понятийно) процессы образования и обучения*. Возникает закономерное желание ознакомиться со словарными смыслами последних. Читаем: образование – это «результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков; необходимое условие подготовки человека к жизни и труду». То есть, уже и не процесс, а результат. Но путаница этим не заканчивается: «Основной путь получения образования – обучение в учебных заведениях, где оно тесно связано с воспитанием»². Таким образом, хотя бы обучение у нас остается процессом, путем, по которому следует целенаправленно идти, чтобы в конечном итоге получить результат – соответствующее усилиям личности образование, являющееся следствием взаимосвязанных процессов обучения и воспитания. Но ведь в таком случае получается, что словосочетание «воспитательно-образовательный процесс» неверное, поскольку к процессу относится только первая часть прилагательного?

Думается все же, что разработчики указанного словаря просто несколько упростили себе работу, зафиксировав лишь одно значение понятия «образование», заострив свое внимание на образовании как осуществляемой во времени результативной ступени процессов обучения и воспитания. Однако это понятие мно-

---

¹ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 248.

² Там же. С. 910.

гозначно, и мы вправе рассматривать образование и в качестве процесса. Действительно, взглянув в более «свежий» источник – в «Новый иллюстрированный энциклопедический словарь», находим соответствующее значение образования: «...целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства»¹. (Эта же дефиниция повторяется и в популярной Internet-Википедии.)

Значит, образовательный процесс складывается из более «элементарных» процессов обучения и воспитания, но к чему же тогда словоупотребление «воспитательно-образовательный процесс», не удовлетворяющее требованиям формальной логики? Гораздо правильнее было бы говорить в контексте вышеприведенных словарных смыслов: «образовательный процесс» или же, если так угодно – «обучательно-воспитательный процесс». Но мы последний вариант не употребляем, продолжая упорно отождествлять обучение и образование. Правомерно ли это? Представляется, что нет, поскольку понятие образования все же намного шире понятия обучения, включает его в себя, но не определяется им содержательно полностью.

В прямом смысле образование есть все-таки процесс, в котором нечто образуется, приобретает свой образ. В нашем же случае *образуется личность*, и процесс этот можно растягивать на весь период ее жизнедеятельности. Человек не стационарное существо, он всегда и постоянно изменяется, его личность преобразовывается, при этом не так важно в семантическом плане – совершенствуется или же деградирует, но никогда не остается на месте. Так что период образовательного процесса личности – вся человеческая жизнь. Но это, так сказать, широкое значение понятия «образования». Есть и более узкие, специфические: образование как результативная ступень и, о чем еще не говорилось, обра-

---

¹ Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия», 2003. С. 508.

зование как совокупность социальных институтов, преследующих образовательные цели – «система образования».

Итак, словосочетание «воспитательно-образовательный процесс» не является логически стройным и правильным. Отчего же тогда оно так часто употребляется в современной литературе? На наш взгляд, это является следствием богатства и семантической насыщенности русского языка, не всегда приемлемых для сухой аналитики, предпочитающей логическую однозначность. В других языках описанной нами проблемы просто не существует. Например, в немецком языке, наиболее подходящем для скрупулезной философской дискурсивности, по свидетельству Л. Н. Толстого, «существует ясное подразделение понятий – *Erziehung* (воспитание) и *Unterricht* (преподавание). Признано, что воспитание включает в себя преподавание, что преподавание есть одно из главных средств воспитания, что всякое преподавание носит в себе воспитательный элемент, *erziehliges Element*. Понятие же – образование, *Bildung*, смешивается либо с воспитанием, либо с преподаванием. Немецкое определение, самое общее, будет следующее: «воспитание есть образование наилучших людей, сообразно с выработанным известной эпохой идеалом человеческого совершенства»¹. Так что в соответствии с немецкой логикой наиболее правильным будет употребление в русском языке словосочетания «воспитательно-преподавательский процесс», или же просто «воспитательный процесс», имеющий в качестве своего приложения в каком-то смысле даже подчиненный ему процесс личностно-образовательный. Однако русская логика никак не желает мириться с подчиненностью образования воспитанию, напротив, включает последнее понятие в первое. И причины этого нужно искать уже, по-видимому, в глубинах ментальных различий.

---

¹Толстой Л. Н. Воспитание и образование // http://rvb/tolstoy/01text/vol_16/01text/0342.htm.

Во всяком случае, следует констатировать: если словообразования рождаются в «живом» языке, они имеют право быть (иногда даже и не «спрашивая» нас об этом своем праве). Термин «воспитательно-образовательный процесс» уже сформирован, он активно употребляется в современной науке, не только в педагогической, но и шире – в социально-гуманитарном знании. Его значение необходимо, по нашему мнению, лишь немного уточнить, включив в более широкий контекст образовательного процесса в качестве одной из его частей. Другой же частью будет, разумеется, самообразование.

Образовательный процесс вполне допустимо рассматривать как целокупность воспитательно-образовательного и самообразовательного процессов, различие которых фиксируется активностью образующейся личности. В первом случае она пассивна, подвергаясь (конечно, в основном) внешнему воздействию (воспитанию и преподаванию-обучению), во втором – внутренне самостоятельна (самовоспитывается и самообучается). При этом нельзя забывать и о том, что деление целого на части всегда условно, допустимо лишь в аналитических целях и всегда должно завершаться синтезом, возвращением к целому (в нашем случае – к образованию), понимаемому уже на ином качественном уровне.

Остается непроясненным еще один вопрос – о смысловом различии понятий воспитания и обучения (преподавания). Ясно, что воспитание есть в то же время и обучение, и наоборот. Но, на наш взгляд, понятие воспитания шире, чем понятие обучения (тем более – преподавания, предполагающего дисциплинарно-ограниченное обучение). Воспитывая, не только обучают «чему-нибудь и как-нибудь», но и в прямом смысле питают: пищей как материальной, так и духовной. Воспитание предполагает не только трансляцию знаний и в теоретической, и в практической (этической) областях, но и положительный (отрицательный) пример воспитателя.

Таким образом, мы можем выстроить смысловые координаты понятий образования, воспитания, обучения (преподавания) по критерию объема этих понятий: *образование есть процесс, включающий в себя как самообразование, так и воспитание, предполагающее и личный пример воспитателя, и трансляцию им определенного объема теоретических и практических знаний (обучение)*. Вполне понятно, что при такой трактовке образования встает вопрос о месте и роли в нем педагога, Учителя с большой буквы, духовного наставника, от которого прямо зависит наше будущее, наставника, способствующего не только трансляции накопленного ранее социокультурного опыта, но и становлению самостоятельного мышления нового поколения, а также его духовно-нравственному воспитанию.

Отметим, что сегодня функции Учителя подверглись явным искажениям, обусловливающимся, на наш взгляд, в том числе и преувеличением роли экономической составляющей нашей жизни, связанным с мифологемой о фундаментальности для общества рыночных отношений, воспринятой нами, как это часто бывало, извне. Но законы рынка не есть законы духа, а именно соблюдение последних дает возможность выстраивания грамотной образовательной политики. Политики, способствующей сохранению государственности и плохо вписывающейся в контекст капиталистической борьбы за существование индивидов.

Так случилось, что словосочетание «образовательные услуги» незаметно вошло в наш лексикон, и мы нечасто вдумываемся в его смысл. Между тем, понятие «услуги» не совсем корректно применять в отношении образования. Служение (Отчизне, людям, будущему и т. д.) – да, но вот услужение... Не вдаваясь в филологический спор по поводу происхождения и изменений во времени различных смысловых оттенков словесных конструкций, отметим, что с достаточно давних времен разница между услугами и служением точно определяется известной фразой: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». К сожалению, современное об-

разование как реализующаяся в социальной действительности система более характеризуется стремлением к прислуживанию перед обучающимися и к выслуживанию перед чиновничеством. Последний факт хорошо иллюстрируется неравным противостоянием Академии образования и Министерства образования и науки по поводу реформирования образовательной системы (хотя, по здравому размышлению, высокие функционеры должны были бы советоваться с академиками-профессионалами, однако на деле мы лишь лицезрим малопродуктивные дебаты на центральном телевидении). А вот факт первый, явно выраженное прислуживание перед обучающимися, являясь прямым следствием искажения образовательной политики рыночными формулами, способствует росту и хорошему питанию коррупционного монстра, прежде всего в высших учебных заведениях, пожирающего остатки перманентно реформирующейся образовательной системы.

Культивирование рыночной панацеи, переходящее грани социально дозволенного, инициировало трансформацию преподавателей в «преподо-брателей» и превратило образовательные институты в подобия базарных площадей со специфическими студентами-купцами и торгующими государственными функциями нечистыми на руку и духовно невоспитанными дельцами. Конечно, следует быть справедливыми и не допускать поспешных обобщений. Далек не все преподаватели высших учебных заведений нравственно деградировали вслед за стремительно коррумпирующимся обществом. Остались среди них экземпляры принципиальные, вызывающие легкую усмешку у окружающих: «Ну что же, человек имеет право и на странности, хотя вот я бы на его месте...». И не способны эти редкие индивидуумы сохранить свою кристальную чистоту в мутной среде – все равно альтруистически выполняют просьбу сотрудников или начальства, иначе ведь не удержатся они в пространстве профессорско-преподавательского коллектива.

Утешительно, что и откровенно-наглых мздоимцев в преподавательской братии не так уж много, ведь явного хамства не любят нигде и на поток-конвейер «образовательные услуги» поставить, конечно, никто не позволит, разве что в виде исключения, при условии наличия достаточно прочной «крыши». Основная (к сожалению, сегодня это так) часть тружеников просветительской нивы честно исполняет свой долг, но лишь в отношении тех, кто ответственно относится к образовательному процессу, а таких становится все меньше. Если же студент не желает напрягаться, то, пожалуйста: «Чем могу-с услужить?». И, что весьма примечательно, эта часть деятелей от образования (повторимся, большая часть) весьма плодотворно себя нравственно оправдывает: «Да, взятки берем, но только чуть-чуть, зато и не “рубим” хороших ребят, даем им путевку в жизнь». Но ведь «чуть-чуть» взяточников не бывает, как не бывает и «чуть-чуть» проституток.

Однако не будем торопиться гневно осуждать таких наших преподавателей, они, конечно, виноваты, но, все же, основная тяжесть ответственности лежит не на них, а на лицах, провоцирующих коррупционное разложение образовательной системы, а именно на самих студентах и их родителях. На эту «сторону медали» вузовской коррупции, как это ни странно, мало кто обращает внимание, хотя она и на самом виду, не таится в нашей обыденной жизни. Прислушайтесь к разговорам в транспорте или людных местах, особенно во время сессий, или спросите своих знакомых, имеющих детей-студентов, и они, за редким исключением, с чувством глашатаев единственно возможной истины, заявят вам о том, что учиться без денег невозможно и расскажут, сколько и кому пришлось отдать за их ненаглядное чадо (причем, отметим, совсем необязательно, чтобы суммы дошли непосредственно до «предоставителей» образовательных услуг, очень часто они оседают в карманах остро нуждающихся молодых людей, рассудивших, что гораздо экономнее извести преподавателя многочисленными попытками сдачи, вернее, «доставания», ведь

краткая временная потеря стократно окупится блаженным бездельем в течение следующего семестра, да и необходимые для веселой студенческой жизни средства останутся при них).

Неудивительно, что в стране, поедаемой коррупцией, такое положение дел в образовании воспринимается гражданами чуть ли не как нормальное, хотя вести речь о норме в нашем случае просто непозволительно. Однако отметим, что исправить сложившееся в системе высшего образования положение, в отличие от других сфер социальной жизни, очень легко. Достаточно начальству, даже на уровне ректоратов, негромко «рыкнуть», и взяточники на долгое время забьются в щели, ведь, как правило, они по природе своей очень трусливы. И не нужно громких процессов, показательных увольнений и прочих экзекуций, преподаватели не станут отстаивать своих убеждений и мгновенно мимикрируют в, пусть и весьма посредственных, но преподавателей. Преподавателями с большой буквы они, конечно, уже вряд ли станут, ведь для этого нужно уметь ежечасно отдавать частичку самого себя, восполняя пожертвованное ученикам в кладезях общечеловеческой мудрости, а этому нужно много и долго учиться. Но сделать образовательную атмосферу более или менее чистой могут.

Касаться сферы легальной коммерциализации образования мы не будем, поскольку это – тема отдельного обстоятельного исследования. Но отметим, что бытовавшее некогда представление о корреляции цены образования и его качества, по крайней мере в нашей стране, себя не оправдало. Образование – не поезд, к нему прибаутку «обманул – купил билет, и не поехал» не применишь. И поехал, и даже приехал, свидетельством чему – новенький диплом. Только вот «багаж знаний», если и был, остался тем же самым, а должен бы, по идее, несколько увеличиться...

Распространять идеологию экономизма на образовательную сферу жизнедеятельности общества, обеспечивающую его будущность, просто преступно. Рыночные отношения допустимы

там, где одному индивидууму нужно непременно получить прибыль, причем за счет других. Законных способов «отъема денег у населения», не вписывающихся в уголовный кодекс, а, напротив, поощряемых государством, множество, но ни один из них неприменим в образовании. Учитель и продавец, ученик и покупатель – не соотносимые понятия. Авторитет Учителя, почитаемый тысячами и на Западе, и на Востоке, невыразим в денежном эквиваленте. Хотя, разумеется, и его носитель хочет кушать и безбедно существовать, и в этом – еще один немаловажный аспект образовательной проблемы, стимулирующий рост коррупции в «обазаривающейся» области нашей жизни, от которой напрямую зависит завтрашний день.

Не хочется верить, что российское государство не заинтересовано в становлении здоровой образовательной политики, ведь независимое государство без образования постепенно перестает быть таковым. Осознание того факта, что сфера «образовательных услуг» должна непременно курироваться государственными институтами, ответственными за нее – достояние дня сегодняшнего. Очень хорошо было бы дополнить повестку этого дня и вопросом о достойном идеологическом и материальном обеспечении преподавателей, которые должны по определению давать знания, обучая молодежь, которая, наоборот, должна их брать. Это позволит перенаправить деструктивный вектор взаимоотношений, при которых преподаватель незаконно или высшее учебное заведение вполне, сообразуясь с законом берут, а обучаемый дает, в сторону должного. Ведь речь необходимо вести все же о передаче знаний, являющихся истинным «товаром» образования, а не денежных сумм, которые никогда не станут эквивалентом этого товара. Иначе образования в России не будет, а значит, совсем в скором времени не будет и...

Образовательный процесс конституирует жизнь всякого общества, институты которого функционируют и развиваются благодаря притоку свежих сил, а то, какими они будут, прямо за-

висит от конкретной образовательной системы. Поэтому во все времена человечество понимало глубинную значимость образовательной проблемы. Сегодня же, на наш взгляд, ей уделяется второстепенное внимание. Теоретические и практические «баталии» по поводу образования проводятся, в основном, в аспекте необходимости его реформирования, при этом зачастую бездумно калькируются «западные» шаблоны, что ведет к забвению принципа преемственности в просвещенческой деятельности. Если же мы хотим быть своеобразными в многополярном мире, то должны иметь свою оригинальную систему образования – этот аксиоматический тезис не нуждается в теоретическом обосновании, поскольку доказан практически повсеместной отрицательной реакцией на попытки дать однополярную интерпретацию глобализационных процессов в современном обществе. Поэтому, реформируя образование в России, а оно, надо сказать, нуждается в этом, преступно сбрасывать со счетов отечественный опыт.

Конечно, много положительного в образовательной сфере достигнуто и в других странах, поэтому нам есть чему у них поучиться. Но и ошибок там сделано немало, и не все хорошее для них приемлемо для нас. Важнейшим же заблуждением, имеющим многовековую предысторию и с энтузиазмом подхваченным нами, является полускрытое игнорирование гуманитарной составляющей знания и, как следствие, утилитаризация образования. Ориентировка на сиюминутную материальную выгоду привела к практически полному забвению учебных дисциплин, призванных обучать самостоятельному мышлению, в первую очередь – философии. И в итоге – к глобально-кризисной ситуации дня сегодняшнего, созревшему плоду узко-технологической специализации и отсутствию адекватных времени философско-мировоззренческих ориентиров социального развития.

В современном образовании особенно значимой становится проблема развития индивидуального творческого мышления, во многом обуславливающегося качеством гуманитарной состав-

ляющей программ обучения. При получении соответствующего образовательного уровня в рамках учебного заведения формирующаяся личность следует познакомить с альтернативными религиозными, научными, философскими мировоззрениями, и тем самым помочь ей в будущем продолжать самостоятельно создавать свой образ. (Конечно, далеко не все впоследствии станут целенаправленно заботиться об этом, но дать всем возможность пойти по такому пути необходимо).

Однако лица, ответственные за определение современной российской политики в области высшего профессионального образования, исходят, по всей видимости, из иного понимания категории «образование», придают ей узкопрофессиональный смысл, ограничивают позитивистским представлением о «знании, как», т. е. о сугубо ремесленном (техническом) знании. Отсюда – тенденция ограничения объема общегуманитарных дисциплин в государственных образовательных стандартах, причем не только технических направлений. Особенно неудовлетворительно, по нашему мнению, обстоит дело с философскими дисциплинами, призванными выработать у обучающегося тягу к образовательному процессу посредством раскрытия перед ним неограниченных возможностей разработки собственного познавательно-мировоззренческого «поля».

Специалист, пусть даже и очень талантливый в своей сфере, не может считаться достаточно образованным человеком (а полностью образованным быть и нельзя, поскольку временной интервал создания образа – вся жизнь), если он не постиг основных стадий процесса зарождения и развития человеческой мудрости, не увлекся изучением философии, без которого невозможно не только самостоятельное, но и грамотное мышление. Транслирующийся от поколения к поколению и совершенствующийся мировоззренческий опыт накапливается, бережно хранится историей философии для того, чтобы посредством его интерпретации применительно к реалиям современности личность могла иметь

возможность сформировать цельное и адекватное действительности мировоззрение.

Невозможна подготовка грамотных специалистов, конструкторов социального будущего страны и мира, без знания истории, и с этой дисциплиной мы начинаем достаточно подробно, с повторами знакомиться уже в средней школе. Однако, к сожалению, при этом забывается, что историю в классическом понимании, историю событийную, во многом обуславливает история мысли. Поэтому ознакомление с историей философии является необходимым элементом образовательного процесса, причем оно должно начинаться как можно раньше, в старших классах средней школы, и желательно – вестись параллельно с освоением классической истории. Глубокое же изучение курса философии в высших учебных заведениях для общества просто необходимо. Современный бакалавр, специалист или магистр – не только личность, формирующая основание общества будущего, не только технически грамотный практик, но и во многих случаях человек, осуществляющий научно-исследовательскую деятельность, последствия которой могут быть непредсказуемыми как для самого исследователя, так и для всего человечества, особенно в условиях техногенного мира. В связи с этим огромное значение, без преувеличения, для всех имеют общее мировоззрение ученого, совершившего открытие, результаты которого могут быть (вернее, в истории развития техники – всегда бывают) одновременно и положительными, и отрицательными, а также его представление об ответственности (собственной и всего научного сообщества) за свою деятельность, опосредуемое, прежде всего, глубиной мышления, умением философствовать. И это умение не обуславливается знанием только атеистических философских концепций, ведь значительный пласт «любомудрия» составляют религиозно-философские направления.

Достаточно провести тематическое занятие со студентами, чтобы убедиться, с одной стороны, в их интересе к религиозной

проблематике, с другой – в практически полном незнании последней. В этой связи частые дебаты о необходимости введения дисциплин с религиозно-догматическим (православным, мусульманским, буддистским и пр.) содержанием закономерны, поскольку отражают действительный «спрос на образовательные услуги» (это несколько режущее слух, но часто применяемое выражение, как представляется, является нашей данью многолетней приверженности экономизму, упрощающему действительность и не желающему сегодня сдавать позиции уже в нео-западническом своем аспекте). Но ведь для его удовлетворения совсем не обязательно придумывать что-то новое, тем более – разрабатывать курсы религиозно-ориентированных дисциплин в условиях поликонфессионального общества. Тщательно продуманный курс философии должен включать в себя, в том числе, и религиозно-философские концепции, отражающие светскую позицию в отношении различных религиозных воззрений, как исторических, так и современных. Ознакомление с такими концепциями немыслимо без изучения основ различных религий, без формирования религиозной грамотности образующейся личности, причем вопрос об избирании ею того или иного, а возможно, и никакого, вероисповедания при таком подходе остается за рамками образовательного процесса, что вполне согласуется с представлениями о свободе совести гражданина.

Преуменьшать значимость всестороннего образования ни в коей мере не следует, да это и опасно для национальной безопасности. Государство, не заботящееся об образовании своих граждан, а значит, не заботящееся и о науке, не может иметь будущего. Более того, в интегрирующемся мире, столкнувшемся с достаточно новыми для него глобальными проблемами, единственным ключом к их решению, по нашему мнению, является преодоление нравственного кризиса, возможное в случае концептуального пересмотра образовательной стратегии, первым тактически значимым шагом в котором может стать изменение образовательной

политики в отношении дисциплин общегуманитарного блока, прежде всего – философских. Что касается последних, то они должны быть ориентированы, прежде всего, на отечественный опыт, ведь нельзя забывать о социальной значимости изучения российской философии. Современная социокультурная действительность снова заставляет нас вспомнить о *необходимости патриотического воспитания личностей*, которым предстоит в недалеком будущем дать окончательный ответ на вопрос – быть или не быть самобытной России? Гражданский мир и согласие в нашей стране достижимы, как представляется, только при условии нахождения идеологического консенсуса, определения общей цели и направления развития, которые бы устраивали все население многонациональной и поликонфессиональной страны. При этом следует обязательно учитывать ментально-этнические основания, обуславливающие современную социокультурную ситуацию, ведь слепое калькирование чуждых идеологических моделей не может привести к сохранению и развитию самобытных черт российского суперэтноса. Вполне понятно, что изучение отечественной философии в данном контексте приобретает немаловажное значение.

С сожалением констатируем, что сегодня ярко выражена тенденция узкого понимания образования, совсем в духе гераклитовского «многознания», которое «уму не научает», только этим можно объяснить распространенное мнение о ненужности изучения гуманитарных дисциплин, в том числе и философии, особенно в высшей технической школе. Прежде всего отметим, что философия, по нашему мнению, – не гуманитарная, вернее, не только гуманитарная дисциплина, она в такой же степени и естественнонаучная дисциплина, точнее, философия шире этого достаточно давно принятого условного разделения наук, она – звено, объединяющее их. Поэтому личность, претендующая стать образованной, непременно должна иметь четкое представление о

философских проблемах, которое позволит ей самостоятельно и универсально мыслить.

Эффективное использование в системе образования технологий, основывающихся на сократовском принципе, согласно которому добродетель есть знание добра и действие в соответствии с этим знанием, на наш взгляд – единственно применимый сегодня метод, путь, ведущий человечество к достойному будущему. Элитное, узкопрофессиональное образование позволило создать техногенную цивилизацию и обусловило современные глобальные проблемы. Теперь же следует не только вернуться к всеобщему и бесплатному образованию, но и расширить его, уделяя особенное внимание развитию творческого мышления каждого индивида. В процессе самообучения и внешнего обучения человек должен знакомиться с альтернативными религиозными, научными, философскими мировоззрениями, осуществляя самостоятельный выбор собственных предпочтений.

Конечно, скептик может возразить: философствованию научить нельзя, зачем же излишне загружать студента, пусть профессию осваивает, гайки-шестеренки рисует, мол, философии, мудрости, которая с годами приходит, жизнь научит. А подкованный скептик и авторитетное мнение приведет о том, что основным философским правилом является следующее: «Вначале быть, потом действовать, после этого философствовать»¹. И с этим скептиком нельзя не согласиться, он прав, но прав лишь частично. Из вышеприведенного правила ни в коем случае не следует, что вообще не нужно изучать философию, учиться самобытно и свободно мыслить. Смысл ее в том, что лишь философствование, опосредованное опытом деятельной жизни, становится цельным и значимым если не для человечества в целом, то для конкретной личности и ее окружения. Но способность к такому

---

¹ См. *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии // И. А. Ильин. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М., 2006. С. 112.

философствованию не придет с годами, если с юных лет не учиться самостоятельно мыслить, не интересоваться, что же думали наши предшественники по поводу возможных ответов на кажущиеся неразрешимыми, по крайней мере однозначно, смысловые вопросы. Философия как дисциплина для изучения и умудренная жизнью, опытом философствование – не совпадающие, но взаимообуславливающие друг друга понятия.

То же, что преподается сегодня в российских университетах в качестве философского знания, не выдерживает никакой критики и, следовательно, нуждается в конструктивном реформировании. Однако ответственность за это не стоит взваливать на государство. Ведь не государство отчаянно цеплялось за исторически безнадежно устаревшие марксистские догмы, не государство «тянуло за уши» на кафедры подчас плохо понимаемые отечественными «специалистами» наработки западной философии, не государство, в конце концов, составляло бездумно-безумные тесты по философии, на многие из которых не может однозначно ответить даже маститый философ. Это делали и продолжают делать те самые «маленькие люди», избравшие философию своим ремеслом и не сумевшие разъяснить государству чрезвычайную важность для судеб нашей страны качественного знания философских дисциплин, воспитывающих мировоззренческую грамотность и умение самостоятельно мыслить, без которых невозможно гражданское общество. В результате – постоянное сокращение часов, выделяемых на изучение этих дисциплин.

Стандартный объем не позволяет даже кратко ознакомить студента с историей человеческой мысли, не говоря уже о современных философских направлениях, что сводит на нет все усилия преподавателей приобщить обучаемых к кладям человеческой мудрости. И проблема эта глубже внутривузовской. «Шаблонизация» мышления закладывается уже в средней школе, где ученики привыкают к общепризнанным штампам и непрекращающейся зубрежке. История (всякая) изучается много лет на уровне

запоминания и последующего забвения множества дат, но ведь куда эффективнее изучать историю фактов параллельно с историей мысли, это позволит ученику понять взаимосвязанность «объективной» истории и личностных судеб, сформировать собственные историософские и мировоззренческие представления, основанные на многовековом опыте предшествующих поколений. И совсем не правы те, кто утверждает, что философия доступна только в зрелом возрасте. Это могут говорить люди, не понявшие, а значит не познавшие философию. (Разумеется, не обязательно школьника посвящать во все тонкости сложнейших спекуляций великих философов, история философии имеет множество интересных и захватывающих материалов, а любую философскую систему на пропедевтическом уровне вполне возможно объяснить просто). Если нам нужны творческие, самостоятельно мыслящие люди (а они нужны тем, кто видит Россию сильной и свободной страной), в которых консюмеризм не вытеснил «души прекрасные порывы» и любовь к своей Отчизне, мы должны крепко задуматься о философии, о гуманитаристике, об образовании, и, главное, сделать для себя выводы, воплощая мысль в слово, а слово – в дело.

А.Л. Анисин

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ЕГО АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Российская система гуманитарного образования давно уже переживает глубокий кризис, связанный с постоянной девальвацией и переоценкой фундаментальных мировоззренческих ценностей. Трудно даже указать начало этого хронического процесса. Революционные потрясения первых десятилетий XX-го века есть несомненное следствие глубокого *духовного кризиса*, нараставшего в течение внешне благополучного XIX-го. А затем, как только устоялась идеологическая система коммунистической власти, – последовало разоблачение культа личности Сталина. А